

Тимкин Юрий Николаевич

САРМАТСКИЕ ИСТОКИ СЕВЕРНОРУССКОГО ШУЛИКУНА

Автор обосновывает гипотезу сарматского происхождения севернорусского шуликуна. Методологической основой данной гипотезы послужила концепция В. Н. Топорова о славяно-иранской этнокультурной общности, существовавшей в середине I тыс. до н.э. - первых веках н.э. Характерные признаки шуликуна - конный воин в железе (кольчуга), острая голова и остроконечная шапка, боевой конь в железной кольчуге, пестрая одежда и кушак - все это, по мнению автора, указывает на сарматские истоки данного образа. Традиция деформации черепа - а она явно угадывается в образе шуликуна - характерна для ираноязычных народов древности и раннего Средневековья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. II. С. 176-178. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 39(=161.1)(470.1/2)

Исторические науки и археология

Автор обосновывает гипотезу сарматского происхождения севернорусского шуликун. Методологической основой данной гипотезы послужила концепция В. Н. Топорова о славяно-иранской этнокультурной общности, существовавшей в середине I тыс. до н.э. – первых веках н.э. Характерные признаки шуликун – конный воин в железе (кольчуга), острая голова и остроконечная шапка, боевой конь в железной кольчуге, пестрая одежда и кушак – все это, по мнению автора, указывает на сарматские истоки данного образа. Традиция деформации черепа – а она явно угадывается в образе шуликун – характерна для ираноязычных народов древности и раннего Средневековья.

Ключевые слова и фразы: шуликун; сарматы; коми; славяно-русская святочная обрядность; В. Н. Топоров.

Тимкин Юрий Николаевич, к.и.н., доцент
Вятский государственный университет
timkin43@mail.ru

САРМАТСКИЕ ИСТОКИ СЕВЕРНОРУССКОГО ШУЛИКУНА©

В науке выдвинута гипотеза о *славяно-иранском этнокультурном симбиозе*, охватывающем последние века до н.э. и первые века новой эры. В рамках этого явления и происходило тесное взаимодействие скифов и праславян, сарматов и ранних славян. Участие сарматов и иранских народов в этногенезе восточных славян, в складывании, прежде всего, духовной культуры подтверждается археологическими, этнографическими, антропологическими и лингвистическими материалами. По мнению авторитетного лингвиста В. Н. Топорова, «многие иранизмы могут оказаться не столько заимствованиями, сколько *реликтами иранской речи в языке населения, перешедшего на славянскую речь*» [13, с. 24]. Исходя из данной гипотезы, мы рассматриваем дискуссионную проблему происхождения и этнокультурную природу севернорусского шуликун.

Шуликунами, шиликунами, шилиханами, иногда кулешиами, называют небольшого роста демонов, являющихся на Святки на Русском Севере. Они появляются, согласно севернорусским быличкам, «толпами» накануне Рождества, выходя из воды, а 6 января вновь уходят в воду.

Отличительные признаки шуликун: «*Шапки острые, имеют коней, сани... Шапками долбят лёд и человека в прорубь пихают... У них всё железное – и сани, и повозки, и кони железные*» [7, с. 230]. Могли иметь «*конские ноги и заостренную голову, изо рта у них пылает огонь*, носят белые самотканые кафтаны с *кушаками и остроконечные шапки*» [3]. На Рождество шуликун «*выезжали из воды на... медных ступах, а во рту – огонь... Головы острые, жопы пестры...* У них глаза светят, зубы светят... и шапки у них острые, долги шапки у них» [7, с. 230-231]. «*Маленькие с кулачок*», они толкуются на перекрестках, подстерегают людей и, схватив их *железными крюками*, тащат их в прорубь.

В вятских, пермских и сибирских говорах шуликун – «*нечистый дух, черт; злой домовый; наряженный на святках, окрутник, ряженный, харя*» [3].

По мнению Л. Н. Виноградовой, в мифологическом сознании жителей русского Севера сближались функции шуликун как духов-устрашителей и духов-дарителей: «*Шулигины* в этот день (накануне Рождества) выходили и приносили много подарков. Мы вешали мешочки на воротах, чтобы в них шулигины подарки клали» [2]. Заметим, как духи-дарители, так и праздник Святки имеют прямое отношение к культу предков у восточных славян. По мнению Е. Е. Левкиевской, шуликун произошли от «заложённых» покойников [7, с. 229].

Еще Д. К. Зеленин указал на неславянское происхождение слова «шуликун» [4]. Всего существует более 30-ти вариантов наименования шуликун, причем они весьма разные, что также может служить косвенным свидетельством его изначально неславянского происхождения.

Слово шуликун исследователи связывают то с тюркским «шулюк» (пиявка), то с татарским «шульган» (злой дух, подводный царь, пасущий под водой стада скота). Так как в славянской мифологии мир нечистой силы связан с левой стороной, то высказано предположение о происхождении слова шуликун от славянского «шуй» – «левый, плохой, нечистый» [15].

На наш взгляд, следует различать лексему «шуликун» и образ этого святочного персонажа. О. Черепанова указала на сложный, синкретический характер славянского «шуликун». Она обратила внимание на то, что образ шуликун появляется там, где русское население контактирует с финно-уграми и тюрками, в мифологиях которых подобный персонаж также присутствует.

По мнению О. Черепановой, образ шуликун идет с востока, корнями своими уходит вглубь мифологии алтайских народов. «Наиболее вероятный источник, из которого русские непосредственно заимствовали слово шуликун, это коми язык...» [16].

На наш взгляд, О. Черепанова правильно указала на восточные истоки образа шуликун. Но вот путь, по которому шло проникновение этого образа в земли славян и на Русский Север, был, как нам представляется, иным.

Если заимствованный характер славянского слова шуликун из коми языка вполне вероятен, то вряд ли то же можно сказать об образе этого святочного персонажа. Новгородцы вошли в контакт с предками коми народа

не раньше XII века, так что соответствия русскому *шуликуну*, обнаруженные в южнославянских языках [7], не получают объяснения. Подобное заимствование можно допустить для русского населения средневековой Вятской республики, среди потомков которого даже в 1970-1990-х гг. бытовало слово *шуликун* для обозначения человека говорливого, шумного, непоседливого. Но совершенно невероятно, что это слово затем попало в южнославянские языки. Между тем, как южные славяне, так и финно-угры тесно взаимодействовали с сарматами, оказавшими большое влияние на этническую культуру соседей. Кстати, татары Поволжья также испытали влияние сарматов, которые присутствовали в болгарской кочевой орде, пришедшей на Среднюю Волгу в VII веке.

Коми и севернорусская святочная обрядность имеют сходные сюжеты [8]. П. Ф. Лимеров свидетельствует, что у языческих коми-пермяков термином *шулейкин* обозначают святочных духов, выходящих из воды в ночь на Рождество и живущих на земле до 6 января старого стиля, когда они вновь входят в воду. Он выдвинул рабочую гипотезу: от основы *шул* можно предложить этимологию слов *шуликун*, *шуликон*, обозначающих «святочных ряженных», а также некоторых мифических существ.

Коми *шуликона* П. Ф. Лимеров возводит к *шувгею*, нечто вроде «вихря, иногда смерча...» [9], имеющего «способность предстать человеку в различных ипостасях, в зависимости от пола и возраста человека» [8].

Если допустить коми происхождение нашего святочного персонажа, то останется необъясненным тот факт, почему ветер, вихрь и смерч никак не проявились в образе русского *шуликуна*. Не наделен русский *шуликун* и способностью являться человеку в различных ипостасях. В то же время коми *шулейкины*, как и русские *шуликуны*, похищают людей, в особенности детей, и топят их в проруби. Образы *шуликуна* и *шуликона* весьма различны: яркий, запоминающийся образ севернорусского *шуликуна* и невыразительный коми *шуликон*.

По всей видимости, здесь речь идет, вероятно, не о заимствовании, а о типологически сходных явлениях, а также о частичной контаминации образов.

Образ *шуликуна* нельзя рассматривать в отрыве от других святочных персонажей: *кулеши*, *кудеса*, *святые*, *святки*, *шишуны*. Все они, как и *шуликун*, появляются именно в период Святков с 22 декабря по 6 января и обладают сходными признаками [11, с. 585]. В славяно-русской языческой традиции в это время души умерших предков «прилетали» к своим потомкам и вселялись в их тела (отсюда – ряженные). Иначе говоря, севернорусские *шуликуны*, как и другие святочные персонажи, имеют отношение к духам предков. Анализ семантического поля слова *святой* убедительно подтверждает влияние иранской традиции, где большую роль играл *фарн* как солнечная благодать [14, с. 448]. Иранские производные от *фарна* – славянские *slava* и «*парни*».

Смоделируем следующий возможный суммарный образ севернорусского *шуликуна*: конный воин в железной кольчуге, острая голова и остроконечная шапка, боевой конь в железной кольчуге, пестрая одежда и кушак – все это признаки, присущие различным ираноязычным народам южнорусских степей первых веков новой эры. Железные атрибуты *шуликунов* «явно новые и... занесенные к славянам *изчужа*» [4].

Железная шапка *шуликуна* перекликается с металлическим шлемом *шишаком* древнерусского знатного воина, причем шлем *конической* формы. По наблюдениям крупнейшего специалиста в области изучения древнерусского вооружения А. Н. Кирпичникова, «русские домонгольские шлемы восходят к *древним восточным образцам*...» [5]. Следует добавить, что слово *шишак* имело несколько значений, в том числе и обозначение мужского полового органа. После христианизации Руси, когда сексуальная сфера стала демонизироваться, коническая, шишковидная форма была перенесена на нечистую силу, в частности *черта*, который стал изображаться остроголовым.

Следует заметить, что тема *остроголовости* в демонологии, мифологии и этнографии евразийских народов – отдельная сложная проблема, в решении которой существуют разные подходы.

И еще важные детали: изо рта у *шуликунов* пышет огонь, а летают они на огненных печах, что может быть связано с феноменом *фарна* у ираноязычных народов. Пестрота в одежде *шуликунов* также находит подтверждение у ираноязычных народов южнорусских степей [17]. Связь с конём, а также кафтан с кушаком вполне могут быть соотнесены с сарматами.

Традиция деформации черепа – а она явно угадывается в образе *шуликуна* – характерна для ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. Римский хронист Зенобий сообщает, что сарматы «*сираки* ставят на царский венец власти того, у кого самый высокий рост или *самая удлиненная голова*...» [6]. В антропологии нет единого мнения о происхождении данного обычая. Вероятно, деформация черепа воспринималась как символ знатного происхождения, как признак принадлежности к политической элите.

Распространение деформирования черепа у сарматов южнорусских степей, вероятно, связано «с проникновением этого обычая с территории Средней Азии... ещё в догуннское время» [15, с. 188-189].

Пребывание ираноязычных групп на юге Сибири с эпохи бронзы до конца I тыс. н.э. поддерживается большинством исследователей. В фольклоре ряда сибирских народов встречаются знакомые нам черты. В фольклоре нарымских хантов фигурируют «*йаланы* – богатыри с *железной кожей и острой головой*» [10]. Остроголовость идолов обских угров некоторыми исследователями связывается «с искусственной деформацией черепа у... привилегированной прослойки общества» [1].

Позднесарматские погребения в южнорусских степях первых веков новой эры с искусственно деформированными черепами – весьма распространенное явление, указывающее в большинстве случаев на присутствие именно сарматов.

Сарматы с башнеобразными головами поражали ранних славян своим видом, одеждой, темпераментом и вызывали у них страх, сковывали волю. Такой яркий образ не мог не быть запечатлён в памяти народа, что и нашло отражение в образе севернорусского святочного *шуликуна*.

Список литературы

1. Барышев И. Б. О возможных интерпретациях культовой скульптуры о. Вайгач [Электронный ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/257.html&j_id=18 (дата обращения: 23.12.2014).
2. Виноградова Л. Н. Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения [Электронный ресурс]. URL: <http://вседуховное.рф/виноградова-людмила-николаевна-слав/> (дата обращения: 15.12.2014).
3. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: https://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый_словарь_Даля/ (дата обращения: 21.12.2014).
4. Зеленин Д. К. Загадочные водяные демоны шуликуны у русских [Электронный ресурс]. URL: <http://starina35.ucoz.ru/load/29-2-2> (дата обращения: 15.12.2014).
5. Кирпичников А. Н. Русские шлемы X-XIII вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://Annales.info/rus/weapon/helmets.htm> (дата обращения: 26.12.2014).
6. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <http://сувары.рф/ru/content/izvestiya-drevnih-pisateley-grechskih-i-latinskih-o-skifii-i-kavkaze> (дата обращения: 15.12.2014).
7. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М., 2006. 477 с.
8. Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/2751693-pall.html> (дата обращения: 23.12.2014).
9. Лимеров П. Ф. Шувгей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/mifolog/myth/417.htm> (дата обращения: 23.12.2014).
10. Малолетко А. М. Аланы в Сибири [Электронный ресурс]. URL: bulgari-istoria-2010.com (дата обращения: 15.12.2014).
11. Славянские древности: энциклопедический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5. 736 с.
12. Толстой Н. И. Шуликун [Электронный ресурс]. URL: <http://pagan.ru> (дата обращения: 15.12.2014).
13. Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балтийский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. М., 1989. 272 с.
14. Топоров В. Н. Святость и святыне в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. 875 с.
15. Трофимова Т. А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 179-189.
16. Черепанова О. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/cherep/01.php (дата обращения: 21.12.2014).
17. Яценко С. А. Костюм древней Евразии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narodko.ru/article/yatsenko/eurazia/vvedenie.htm> (дата обращения: 15.12.2014).

THE SARMATIAN ORIGINS OF THE NORTH-RUSSIAN SHULIKUN

Timkin Yuri Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Vyatka State University
timkin43@mail.ru

The author justifies the hypothesis of the Sarmatian origin of the North-Russian shulikun. The conception by V. N. Toporov on the Slavonic-Iranian ethnocultural community, which existed in the middle of the 1st millennium BC – the first centuries AD, served as a methodological basis for this hypothesis. The typical features of shulikun – horsed warrior dressed in iron (chain mail), pointed head and cap, war horse dressed in chain mail, parti-coloured clothes and sash – all this, according to the author, indicates the Sarmatian origins of this image. The tradition of skull deformation – and it is clearly identified in the image of shulikun – was typical of the Iranian-speaking people of antiquity and the early Middle Ages.

Key words and phrases: shulikun; the Sarmatians; the Komi; the Slavonic-Russian Christmas rites; V. N. Toporov.

УДК 02.41.11

Философские науки

В статье анализируется проблема конечности человека. Обращается внимание на необходимость постановки вопроса о смысле смерти, который может быть решен только в контексте целостного исследования сущности человека и его ценностных ориентаций. Указывается на различия в отношении к смерти в науке и философии, рассматриваются изменения в понимании конечности индивидуального бытия в культуре и характерное для современного общества «забвение смерти».

Ключевые слова и фразы: проблема смерти; пограничная ситуация; смысл смерти; феномены человеческого бытия; конечность человека.

Тихонова Ирина Юрьевна, к. филос. н.
Воронежский государственный университет
iritanakova@yandex.ru

КОНЕЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА©

Проблема конечности человеческого бытия традиционно находится на периферии философского анализа. В этом во многом «виноваты» сами философы, которые на протяжении многих веков (вплоть